

Виталий Лехциер

ТИПОЛОГИЯ МЕТАФОРЫ

Этот очерк не ставит себе задачу обрисовать типологию метафоры исчерпывающе или хотя бы более или менее научно. Он скорее - запоздалое следствие некогда внезапно пришедшего озарения, заключающегося в том, что огромное количество поэтических метафор имеет один постоянный, уходящий корнями в прошлое тип образования. Тут, конечно, нет никакого открытия. Но тогда я словно поймал себя за руку, вдруг осознав, что не устаю переносить принадлежащие миру природы признаки и свойства в мир культуры, и наоборот. Точнее, не только признаки, но в принципе всю так называемую "культурную" лексику в пределе стараюсь смешать с "природной". И что удивительнее всего, это занятие мне нравится и вызывает, особенно в блаженные моменты попадания, определенное творческое удовлетворение...

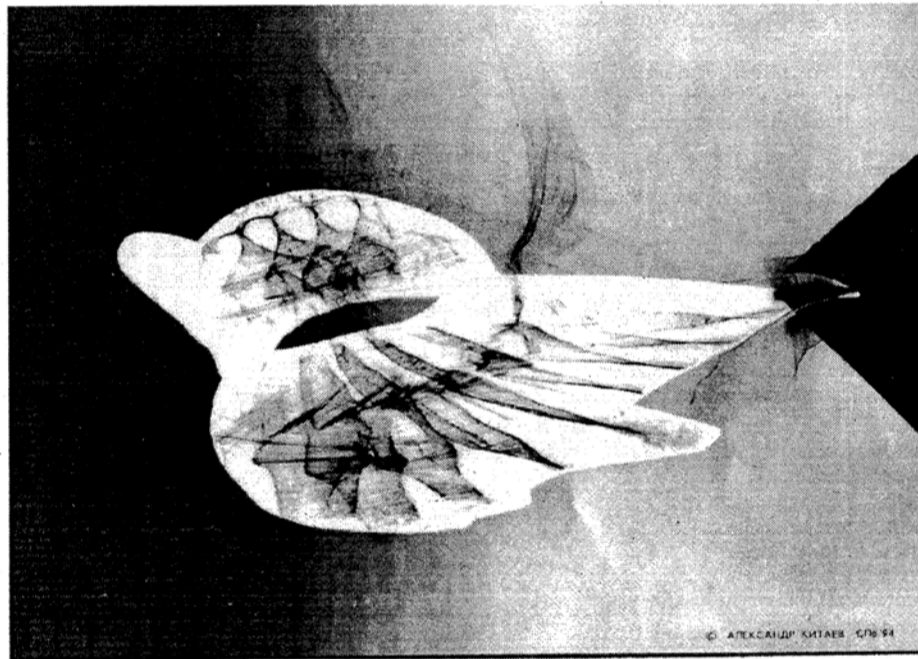
Признаюсь, что в тот момент вся сложная динамика нерасчлененной поэтической работы, напряженная и возвышенная игра в уме словесными переборами показались мне шокирующе стереотипной реализацией лежащей в основании примитивной схемы. Надо же, то, что я всегда считал находками, от чего испытывал творческий кайф, - всего лишь этот самый пресловутый тип метафоры, всего лишь очередная перестановка, баш на баш!

Но потом всё же я выплыл из состояния шока, и для меня, по крайней мере, всё встало на свои места. Не скрою, во-первых, согрели образцы. Кстати, в ориентации на образцы до сих пор просматривается благородная позиция творческого смирения или своеобразная аскетика, аналогичная известной богословской тезе о возможности свободы в догмате. Кроме того, у этой ориентации, скорее всего, вообще нет альтернативы, просто, как правило, даже у самых рьяных бунтарей одни образцы сменяются другими, менее задействованными на данный момент, с традицией может поспорить только другая традиция.

Так Кушнер, произнеся "Евангелие от куста жасминового...", наверно, испытал колоссальное удовлетворение. Или Заболоцкий, когда ему почудилось, что "Как маленький Гамлет, рыдает кузнецик" или "уже умолкла лесная капелла" (культур-натурный тип метафоры, назовём его так, пронизывает вообще всё творчество Заболоцкого).

Или Пастернак, оказавшийся свидетелем "идушего бурно собранья// Деревьев над кровельной драпью". Или Хлебников, разглядевший в морже голову

Ницше, а в носороге - Ивана Грозного, и для которого "чайки с длинным клювом и холодным голубым, точно окружённым очками, оком имеют вид международных дельцов, чему мы находим подтверждение в прирожденном искусстве, с которым они подхватывают на лету брошенную тюленям воду". Или Ду Фу, заметивший, что "тучи стали, словно тушь, черны". Или, наконец, Гораций, заключивший, что "Как листья на ветвях изменяются вместе с годами, // Прежние ж все облетят, - так слова в языке". Так можно продолжать до

Александр Китаев. Из цикла "Tara INCOGNITA".

бесконечности, и Гораций в этом ряду не будет самым древним автором. Причем, субъект и атрибут в культур-натурной метафоре могут меняться местами. Если Заболоцкий сравнивает лес с капеллой, то Мандельштам орган сравнивает с лесом: "стрельчатый лес органа", хотя и у него "Стволы извилисты и голы, // Но всё же - арфы и виолы". У Мандельштама одновременно и "колоннада рощи", и "роща портиков". У тех или иных поэтов в те или иные эпохи частотность, мера оригинальности и субъект-атрибутивная приоритетность в построении такого типа метафоры, естественно, различны. Но принципиально то, что он почти везде есть, к какому бы направлению автор ни принадлежал, какую бы эстетику ни исповедовал, а в 20 веке он особенно актуален (как, впрочем, продолжают оставаться актуальными антропоморфные метафоры мира и различные, в том числе биоморфные, метафоры человека, о которых мы речь не ведём).

Но, тем не менее, апелляция к образцам сама по себе - не оправдание творческого акта, происходящего всегда в настоящем. И не она укрепила меня в вере в вечную неслышанную новость каждой неожиданной метафоры, бессознательно организованной по названному типу. Тут дело, скорее, в другом - в фундаментальных причинах. Для современной культуры характерны обрисовка своих границ, рефлексия, полагание себя как особой области бытия, принципиально отличной от всего остального, идентификация себя в понятии. В древности

же, как правило, культура, точнее то, что мы сейчас этим именем называем, проще говоря, рукотворное, осознавалось исконно единым с природой, вписанным в неё, во все её проявления вплоть до враждебных, стремилось организоваться по её моделям и законам. Один только закон золотого сечения, открытый, по последним данным египтологии, в Древнем Египте и записанный на деревянных панелях из захоронения Хеси-Ра (27 век до н.э.), а потом неисповедимыми путями сказавшийся в Парфеноне, свидетельствует об этой традиционной направленности сознания утвердить гармонию рукотворного и нерукотворного. Но по мере того, как отношения между ними всё более ощущались как конфликтные, утверждать эту согласованность на уровне факта становилось всё невозможнее, а на уровне долженствования, наоборот, всё необходимее. Именно поэтому 20 век перенасыщен метафорированием такого рода. Древний миф никуда не делся, он

ушёл вглубь, в бессознательное поэтики как скрытая родовая надежда человека. Видимо, она коренится в, безусловно, серьёзной и, вероятно, наивной даже до глупости потребности человека ощущать себя и содеянное своими руками в гармонии с тем, что есть от века (точно так же, как ощущать гармонию рукотворного и нерукотворного в самом себе). После всех разрывов, распадов атома, расщепления ядра и т.п. эта метафизическая интуиция единства, замазанного "случайными чертами" к счастью, жива. Вот эта беспредельная трогательная наивность, эта умная глупость серьёзного отношения к миру, эта вечнозелёная, как ель, метафизика, лично мне бесконечно дорога. И она не должна пасть под ударами самодовольного или болезненного скепсиса, всё равно. В ней весь потенциал культуры, всё её достоинство, вся её перспектива.

Культурно-натурная метафора, однако, таит в себе соблазн метафорирования-одаривания одной из двух своих сторон. Например, Заболоцкий как бы одаривал природу, возводил её в высший ранг, перенося на неё культурные атрибуты, сажая её за школьную парту: "Читайте, деревья, стихи Гезиода, // Дивись Оссиановым гимнам, рябина!". Такой перекокс происходит из убеждения, что "Мы, люди, - хозяйева этого мира, // Его мудрецы и его педагоги... Мы учим и пестуем младшего брата". Мудрость может быть и Божественной (например, проповедь Святого Франциска перед птицами), суть ситуации от этого не изменится. Ну, а уж о том, что нужно во что бы то ни стало учиться у природы, кто только не высказывался во все времена.

Но культур-натурная метафора как таковая, сам принцип соотносённости её сторон имплицитно выражает совсем другое: возможность равновесия, партнёрства, диалога, согласованности, гармонии. Очень редкая и не часто реализуемая возможность. "Но только раз в году бывает разлита // В природе длительность, как в метрике Гомера". У каждого этот день, эта минута или мгновение "равноденствия" - свои, пропадающие и растягивающиеся на всю жизнь, скрытые от самого себя и осознаваемые, желанные и посещающие даже вопреки желанию.